

МІРЪ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
СБОРНИКЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЙ

РОМАНЫ ПОВѢСТИ РАЗСКАЗЫ

Содержание: Повесть: ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ: Повесть: ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ. Романъ: ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ.

Ордынцев-Кострицкий М.,
Потапенко И. и др.

Случай из будущего

РУССКАЯ ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПРОЗА
НАЧАЛА XX ВЕКА

КНИГА ВТОРАЯ

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С49

Ордынцев-Кострицкий М., Потапенко И. и др.

С49 Случай из будущего. Русская фантастическая проза начала XX века. Книга 2: Повести и рассказы. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 348 с. — (Мир русской фантастики).

ISBN 978-5-517-11400-6

В предреволюционные годы фантастика утверждалась в русской литературе в широком тематическом и жанровом спектре — от романов приключений до различных социальных утопий; от «реконструкции» воображаемых высоких цивилизаций далекого прошлого до развлекательной, зачастую с мистическим налетом, беллетристики.

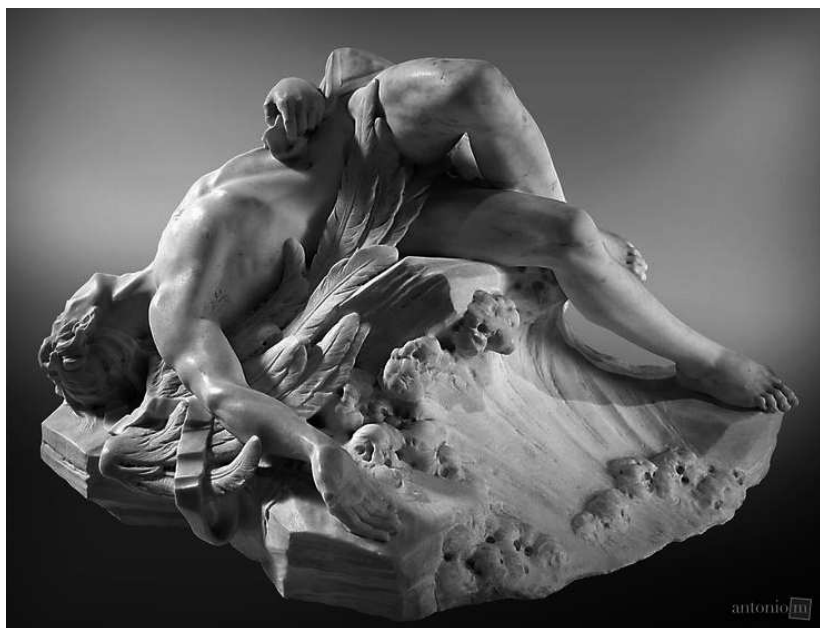
BIC FA
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11400-6

© Подготовка текста, оформление,
Издатель Иванов В.Ю., 2024
© РИПОЛ классик, оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

МИХАИЛ ОРДЫНЦЕВ-КОСТРИЦКИЙ

**Икар
Ватиканского холма**

Необычайное оживление наблюдалось в это весеннее утро на римских улицах и площадях... Крики продавцов холодной воды и фруктов сливались в какой-то сплошной шум, напоминающий треск бесчисленного множества цикад, а голоса обитателей мирового города, неудержимым потоком стремившихся в одну и ту же сторону, казались эхом отдаленного прибоя и странно расплывались над сонным и мелководным Тибром.

Из узких улочек, выходящих на широкие дороги, показывались все новые и новые фигуры, закутанные в белые тоги с цветными каймами по краям, и налитые благовониями куски прозрачных тканей то и дело подносились к лицам, чтобы защитить их от едкой известковой пыли, густыми клубами подымавшейся вслед колесницам патрициев и богачей. Курчавоволосые и смуглые нубийцы гортанными криками заставляли толпу расступаться перед носилками весталок; за ними, с топориком в короткой связке прутьев, спешил их постоянный спутник, ликтор, а рядом во весь опор проносился на аравийском жеребце, сверкая сталью лат, центурион...

И вся эта толпа пеших и конных, богатых и бедняков была полна одним стремлением и медленно, но неуклонно близилась к одной и той же цели... Вдали уже сверкала неподвижная гладь Тибра, за ним виднелось поле Марса, выше — мавзолей божественного Августа, ниже — гро-

мадные дворцы, которые только что начал воздвигать Нерон, еще пониже — театр Помпея, а за ними местами скрытые, местами видные постройки, множество портиков, колонн и храмов, многоэтажных зданий и, наконец, холмы, покрытые домами, которые, казалось, таяли в туманной синеве...

Весь Ватиканский холм, за исключением самой вершины, был сплошь покрыт народом, и собравшаяся здесь толпа была настолько велика, что темно-зеленая листва высоких кипарисов точно трепетала под общим дыханием тысяч людей. Патриции, военачальники, известные трибуны и ораторы, разбившись на небольшие группы, обменивались короткими, но полными значения фразами; простой народ был занят тем же, но разговоры простолюдинов не отличались сдержанностью и были многословны...

— Взгляни, достопочтенный Марк, — произнес старый нобиль, прикрывая рукой глаза от солнца. — Мне кажется, что сюда действительно несется наш юный Марс — Октавий?..

Другой старик, полуобернувшись, посмотрел в указанную сторону.

— Ты не ошибаешься, Антоний, — это он: я узнаю его идумейского коня...

— Солнце Африки не иссушило в нем порока, переставшего теперь быть только женским, — прославленный Октавий любопытен, точно девушка...

— Или как мы. — И оба патриция коротко рассмеялись...

— Ты несправедлив, мой друг, — произнес после короткого молчания Антоний. — Не забывай, что цезарь поручил нам наблюдать, какое впечатление произведет все это на народ...

— Я помню, Марк... Но неужели печальные лавры Икара действительно тревожат душевный мир этого Симона?

— Народ так говорит, но я слышал иное... Ты помнишь, может быть, рассказ проконсула Пилата о том, как в Иудее в его правление был распят галилеянин, который взбудоражил Палестину и даже называл себя царем? Имя его было Христос... И эта странная секта, разросшаяся в Риме, — его последователи; они считают, что учитель их воскрес и поднялся на небо, как некогда Икар, но только оттуда уже не возвращался... Симон тоже хочет подняться, но после этого вернуться в Рим и здесь пожать плоды успеха...

— Он не помешан?

— Об этом знают боги...

— Клянусь Юпитером! Все это очень странно! — воскликнул кто-то таким громовым голосом, что оба старика вздрогнули и обернулись.

Высокий и стройный воин, с красивым, но покрытым шрамами лицом, стоял подле патрициев, держа на поводу своего взмыленного коня.

— Излюбленный богами!.. Благословенный Марсом!.. — раздались приветствия обоих собеседников. — И ты на Ватикане?

— Но для чего, клянусь бородой Нептуна, и сам не знаю. Из города все спешат сюда; мне говорили, будто здесь видели крылатую волчицу и... — Тут воин понизил голос и почти шепотом закончил: — И с ней двух мальчиков — вернувшихся на холмы Тибра — Ромула и Рема...

Марк усмехнулся.

— Нет, прославленный Октавий, — произнес он, кусая губы. — Я о волчице не слыхал; говорят много об Икаре, но

он ведь эллин и в Рим едва ли явится... Особенно из царства теней...

— Пусть меня раздавит дубина Геркулеса, если это не так, достопочтенный Марк! Но странные вещи бывают и в наше время, — поверишь ли, на обратном пути из Африки я видел сам летающую рыбу и потому подумал — в свое время я обучался логике в школе Музония — если у рыбы могут быть крылья, то почему им не оказаться и у волчицы? — и после этого поехал на Ватиканский холм.

— Хвала тебе, Октавий, твой вывод неподражаемо хорош, и я советую тебе остаться с нами: быть может, и в самом деле мы увидим что-либо крылатое...

— Совет хорош, клянусь колчаном и всеми стрелами Амура!.. Мы еще поглядим, что будет дальше и какое зрелище даруют нам милостивые боги. Я остаюсь... — И очень довольный собой воин, привязавши своего коня к ближайшему стволу, присоединился к обоим старикам...

Немного ниже, где более густыми массами собралась чернь, происходили иные разговоры.

Группа в пятнадцать-двадцать человек, бедно одетых и принадлежащих, по-видимому, к ремесленникам окраинных кварталов Рима, сплошным кольцом окружила высокого, седого, как лунь, старика...

— Ты не знаешь, кто это? — тихо спрашивала молодая женщина стоящего с ней рядом мужа.

— И ты, Лигия, могла забыть его лицо? Ведь мы еще недавно видели его на богослужении в катакомбах. Это — великий старец Петр, он знал Его, Самого... — И тут говоривший, чтобы имени Христа не уловил какой-нибудь шпион, нагнулся и резкими штрихами начертал на песке изображение рыбы.